

СУДЬБЫ МАТЕМАТИКА М.Я. ВЫГОДСКОГО И МУЗЫКАНТА Н.Я. ВЫГОДСКОГО КАК СИМВОЛ ЭПОХИ ПЕРЕМЕН ОТ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ИДЕАЛОВ К СТАЛИНСКОМУ ТЕРРОРУ

О.Н. Гуров

*Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова*

Аннотация: *Статья посвящена жизни и работе братьев Марка и Николая Выгодских в условиях политических и культурных событий XX века. М.Я. Выгодский (1898–1965) – выдающийся советский математик и основатель советской школы истории математики, Н.Я. Выгодский (1900–1939) – незаурядный музыкант и музыковед. Автор ставит целью представить судьбу двух неординарных и талантливых людей в историческом и культурном контексте, проанализировать связь между жизнью и эпохой. Акцент делается на активной научной, творческой и общественной деятельности братьев до 1935 года и последующих репрессиях, которые иллюстрируют переход от революционного энтузиазма к новым условиям. Автор, правнук М.Я. Выгодского, использует материалы архивов, открытые источники и семейные воспоминания для фиксации контуров образа ученых, которые в разном качестве попали под репрессии 30-ых годов. Автор применяет новый подход к анализу личной судьбы в рамках культурологической эго истории, разрабатываемый вместе с Е.В. Сальниковой.*

Ключевые слова: *Николай Выгодский, Марк Выгодский, Давид Мейчик, Дмитрий Шостакович, Сергей Рахманинов, Димитрий Гачев, Большой террор, история математики, историко-математическая школа, Галилей и инквизиция, Николай Бухарин, Московское математическое общество, Отто Шмидт, Дмитрий Мордухай-Болтовской.*

Введение

В первую очередь, хотелось бы обрисовать методологию исследования. Основным методом может считаться идеографический (или нарративный), поскольку в данной работе мы нацелены на изучение личностей героев через призму исторических событий, сопровождавших их жизненный путь и профессиональное развитие. Примененный метод позволяет все-

сторонне рассмотреть как биографию, так и определенные, интересующие нас аспекты индивидуальности М.Я. и Н.Я. Выгодских. Вместе с этим работа методологически основана на концепте, который в настоящее время автор разрабатывает с коллегой, доктором культурологии, руководителем сектора проблем массмедиа Государственного института искусствознания Е.В. Сальниковой. Этот концепт – культурологическая эго-история. Это тип истории, которая фокусируется на личном опыте и воспоминаниях индивида в контексте культуры. Она может включать «культурологические» воспоминания о детстве и/или артефактах повседневности. В центре культурологической эго-истории может быть осмысление собственной личности, личностей близких людей и реконструкция биографии предков через призму культурной истории страны. Такой подход может обеспечить новую степень погружения в историю культуры, преодолеть сложности и ограничения, и даже заставить трезво взглянуть на искажения или предвзятости – bias, как говорят сейчас в сфере исследования технологий и искусственного интеллекта, и на что справедливо обращает внимание С.А. Никольский, называя ключевые проблемы осмысления острых вопросов [Никольский 2023].

Культурологическая эго-история может помочь индивиду понять свою культуру и свое место в ней. Это также может способствовать продуктивному осмыслению существующих, но не всегда очевидных связей между собственным персональным опытом и культурными (в широком масштабе) тенденциями/событиями. Подобные исследования погружают и в личную историю, в то, что проходило фоном, и в историю эпохи, и в целом это интересная тема на стыке персонального и абстрактного, рационального и даже поэзии своего рода. Помимо всего прочего эго культурология делает более очевидным тот факт, что объективная реальность культуры далеко не тождественна типическому и общераспространенному. Объективность в известной мере всегда иллюзорна, это конфигурация множества субъективных нюансов, в том числе тех, которые производят впечатление весьма характерных, убедительно «всеобщих» и универсальных. Но в действительности культурный процесс включает в себя множество субъективного, достоверность которого далеко не всегда можно проверить и доказать – тем не менее, ее следует принимать в расчет, поскольку наша память является наиболее древним, «дотехническим» хранилищем информации.

Именно в этих рамках и будет сделана попытка представить биографии М.Я. Выгодского и Н.Я. Выгодского в контексте эпохи и, в частности, становления сталинизма. Необходимо отметить, что две фигуры, о которых мы говорим, являются в некотором роде фантомами в истории, поскольку несмотря на то, что определенная информация об их жизни и работе сохранилась, и, более того, их вклад в науку и культуру в большей или меньшей степени признан, тем не менее, в комплексе имеющиеся образы обоих героев публикации являются неполными и в некоторой степени искаженными.

Составление хоть сколько-нибудь полноценных биографий М.Я. и Н.Я. Выгодских еще крайне далеко от возможного исполнения, и в рамках этого стремления представляется продуктивным представить результаты проведенной на сегодняшний день работы на базе ряда идей, подчерпнутых автором во время участия в значимом научном событии – XX ежегодной конференции Института философии РАН с регионами России совместно с ЯГПУ им. К.Д. Ушинского «Проблемы российского самосознания: Ленинизм-сталинизм в преобразовании общества, государства и человека. К 100-летию кончины Ленина и начала правления Сталина», прошедшей 26 октября 2023 г. Что касается теоретической базы, на которую мы будем опираться далее, в первую очередь, необходимо отметить работы Г.Л. Тульчинского, посвященные трансформации советского культурного кода человека; И.Е. Козновой, исследующей, как наука и культура стали объектом социалистической реконструкции; С.С. Неретиной, показавшей, как сталинизация, в частности, философии, болезненно и трагично трансформировало саму идею культуры; Т.С. Злотниковой, описавшей становление феномена «советского человека» в качестве социокультурного, философского и антропологического концептов; упомянутого выше С.А. Никольского, изучающего проблему целостного

рассмотрения сложных политико-культурных феноменов [Злотникова 2021; Кознова 2019; Неретина 2007; Никольский 2023; Тульчинский 2022].

Что касается публикаций, относящихся непосредственно к жизни и трудам М.Я. и Н.Я. Выгодских, то нельзя сказать, что фигура по крайней мере М.Я. Выгодского предана забвению и что современные исследователи не испытывают интерес к биографии ученого и научно-историческому контексту его творчества. Среди недавних публикаций, посвященных или затрагивающих обстоятельства жизни и творческий путь М.Я. Выгодского, можно выделить статьи «Марк Яковлевич Выгодский – математик, историк математики и педагог (к 50-летию со дня смерти)», «Марк Выгодский – несколько эпизодов из жизни ученого» (на английском языке), «История математики в Южном Федеральном (Ростовском, Варшавском) университете», «Возвратиться к истокам? (Заметки об институте истории науки и техники АН СССР, 1932–1938 гг.)», «Изучение античной науки в ИИНиТе на фоне 1930-х гг.» и ряд других [Демидов 2015; Жмудь 2013; Кирсанов 1994; Налбандян 2013; Карп 2017].

Автор данной статьи подготовил несколько работ, в которых делается попытка раскрыть некоторые аспекты жизни и работы братьев, в частности, в текущем году было опубликовано две статьи, посвященные непосредственно деталям биографии и научному наследию М.Я. Выгодского [Гуров 2023а; Гуров 2023с].

Что касается Н.Я. Выгодского, на настоящий момент имеющаяся информация о его жизни и деятельности крайне скупа. В «Большой биографической энциклопедии» и «Музыкальной энциклопедии» представлены информация о годах его жизни и отдельные факты, относящиеся к профессиональной деятельности. У букинистов можно приобрести «Методическую хрестоматию по курсу общего фортепиано», изданную в роковом для Н.Я. Выгодского 1935 году, а в интернете доступны для скачивания ноты «Н. Паганини. Вариации (обработка Н. Выгодского)». Кроме этого, его имя мельком упоминается в воспоминаниях Д.Д. Шостаковича и соловецких узников Ю.И. Черткова и Л.С. Танюка. Имя Н.Я. Выгодского можно встретить и в воспоминаниях его товарища и коллеги, музыковеда и историка культуры Д.И. Гачева, который и сам был репрессирован в 1938 и впоследствии умер на Колыме [Выгодский 2023; Выгодский 1935; Выгодский... 2023; Гачев 1989; Свидетельство... 2023. Чирков 2023].

Летом 2023 года автор данной статьи выступил на научной конференции «История страны в судьбах узников Соловецких лагерей», прошедшей на Соловецких островах, где представил результаты своих исследований биографии Н.Я. Выгодского [Гуров 2023b].

Эти материалы в ближайшем будущем также будут опубликованы в научной литературе.

Далее мы представим основные факты биографии М.Я. и Н.Я. Выгодских в контексте исследуемых тем, основываясь на материалах, относящихся к работе М.Я. и Н.Я. Выгодских из архивов Тверского государственного университета, Казахского государственного университета, МГУ, ТГПУ им. Л.Н. Толстого, ТулГУ, ЮФУ, Московской консерватории, а также на воспоминаниях родственников и близких, полученных во время частных поисков.

Марк Яковлевич Выгодский

Марк и Николай родились в интеллигентской семье, происходившей из Беларуси. Их отец, Яков Ефимович Выгодский, получил высшее техническое образование и работал инженером-химиком и технологом в перспективной и востребованной сфере производства. Он также был предпринимателем. В детстве Марк и Николай жили в разных городах, вместе с семьей следуя за назначениями отца. Марк родился в Минске, и вскоре семья переехала в Санкт-Петербург, где уже родился Николай. Позже все они перебрались в Пятигорск, где братья поступили в гимназию. Отец продолжил там работать по специальности, а также стал владельцем одного из лучших книжных магазинов в городе. Через некоторое время семья

снова переехала, на этот раз в Баку, где отец получил должность инженера на нефтяных промыслах, и параллельно с этим открыл кинотеатр. Со временем он вошел в сословие почётных граждан. Мать братьев, Любовь Давидовна Мейчик, была учительницей музыки, а ее сестра, Анна Давидовна, стала известной оперной певицей. Дедушка Марка и Николая, Давид Маркович Мейчик, окончил Московский университет, трудился юристом и присяжным поверенным в Москве и Минске, и также был ученым-историком. Он вошел в историю как один из основателей Белорусской высшей школы.

После окончания Бакинской гимназии в 1916 году М.Я. Выгодский поступил на физико-математический факультет Императорского Варшавского университета, который после начала Первой мировой войны был эвакуирован в Ростов-на-Дону. Там он отучился два года, до 1918 года, после чего временно прекратил обучение, чтобы принять участие в подпольной революционной деятельности в Баку и Ростове-на-Дону, где некоторое время работал стенографом в ОСВАГе (осведомительном агентстве Добровольческой армии), передавая секретную информацию коммунистам. Этот неподтвержденный документально, и сохранившийся благодаря воспоминаниям О.Г. Шатуновской и письмам Н.И. Бухарина эпизод позднее отразится на жизни М.Я. Выгодского, о чем будет идти речь дальше [Шатуновская 2001]. В 1917 году недолгое время состоял членом партии меньшевиков. После окончания Гражданской войны продолжил высшее образование уже в Москве, закончил в 1923 году Московский университет по специальности математика. С начала 20-х годов начал вести общественную и преподавательскую деятельность, и уже в 1923 году опубликовал первую книгу – «Курс парламентской стенографии» [Выгодский 1923].

После этого до 1929 года он учился в аспирантуре по специальности «История математики» в МГУ, научным руководителем был О.Ю. Шмидт. В те же годы преподавал в Институте красной профессуры, был членом месткома, и одно время занимал должность его председателя. Уже в 1926 году М.Я. Выгодский опубликовал первую именно научную работу «Платон как математик» [Выгодский 1926].

С 1929 по 1931 годы работал доцентом и затем профессором на кафедре математики химфака Московского химико-технологического института. В эти же годы был заведующим кафедрой математики в Военно-химической академии РККА.

С 1931 по 1941 годы был действующим членом Научно-исследовательского института механики (НИИМ) МГУ и работал в Университете на различных должностях, одно время был директором НИИМ и профессором механико-математического факультета.

С 1932 года был членом Московского математического общества и в течение нескольких лет в разные годы занимал должность вице-президента. С 1934 года до пенсии был членом президиума Всесоюзной математической ассоциации.

В первой половине 1930-х годов работал главным редактором Государственного технико-теоретического издательства (ГТТИ), его непосредственным руководителем в то время был Н.И. Бухарин. Примерно в то же время трудился старшим научным специалистом в Институте истории науки и техники АН СССР.

В 1934 году опубликовал книгу «Галилей и инквизиция», на которую была опубликована уничижительная рецензия А.А. Максимова, а в январе 1935 года его брат Н.Я. Выгодский был арестован и вскоре был приговорен к тюремному заключению. В 1935 году М.Я. Выгодский был исключен из партии, об этом факте далее будет представлена более подробная информация.

Со второй половины 30-х годов до начала Великой Отечественной войны работал профессором Менделеевского химико-технологического института и профессором Калининского государственного педагогического института.

В 1937 году он получил ученую степень кандидата физико-математических наук, а в 1938 году защитил диссертацию и вскоре получил ученую степень доктора физико-математических наук.

В 1941 году он был эвакуирован с семьей в Алма-Ату, где заведовал кафедрой геометрии в Казахском государственном университете. Там же он получил ученое звание профессора по кафедре геометрии.

После Победы вернулся в Москву и в последующие годы работал в разных высших учебных заведениях столицы и других городов. В 1945–1948 годах – в МГУ, затем в Ростовском государственном университете, Московском заочном институте машиностроения и Тульском государственном педагогическом институте до 1960 года, когда ушел на пенсию. После этого продолжил работу в качестве профессора-консультанта в Политехническом институте Тульском горном институте до своей смерти в 1965 году [Гуров 2023а; Гуров 2023с].

Видно, что взлет научно-творческой карьеры М.Я. Выгодского продолжался до середины 1930-х годов, и фактически события 1934–1935 годов стали поворотным моментом в его жизни и карьере, которые прервали и нарушили восхождение. Как отмечалось, в 1934 году М.Я. Выгодский опубликовал книгу, посвященную Галилею, это была первая часть исследования по истории математики (вторая так и не была написана). Несмотря на отсутствие достоверных документальных свидетельств, существует информация, то данный труд был высоко оценен Ватиканом. Автор данной статьи обращался в различные архивные и библиотечные службы Ватикана и Рима, чтобы подтвердить или опровергнуть это свидетельство, но на данный момент достоверная информация так и не получена. Тем не менее, поиски продолжаются, и существует вероятность, что этот факт еще может быть подтвержден. Но независимо от этого, очевидно, что представленный М.Я. Выгодским образ Галилея в книге уже не соответствовал бескомпромиссным требованиям сталинской, социалистической науки, которая формировалась как раз в то время.

В те годы, как отмечает И.Е. Кознова, наука и культура стали все более подчиняться задачам социалистической реконструкции: «... реконструктивный период проходил под лозунгом «критического освоения культурного наследия». На примере литературы автор утверждает: «... выдвижение на первый план “общественной” (на деле – политической) позиции писателя (и вообще любого деятеля культуры) составляло важную часть формирующегося советского канона. Перед исследователями творчества писателей прошлого ставилась цель связать его с “потребностями нашей борьбы”» [Кознова 2019]. И образ прагматичного и независимого, преданного идеям науки Галилея, уже не мог отвечать формирующимся запросам.

Еще одним фактором, безусловно, явился арест и последующее заключение брата. Известно, что после убийства Кирова в 1934 году было значительно ужесточено законодательство в отношении террористических актов и организаций, а рассмотрение дел по таким делам, наоборот, было упрощено. Еще ранее было создано Особое совещание при Наркоме НКВД СССР, которое получило право в облегченном порядке приговаривать преступников к заключению на срок до 5 лет, а также применять другие виды наказаний. Следовательно, рассмотрение дел по преступлениям, связанным с террористической деятельностью, осуществлялось оперативно, без участия сторон, а обжалование приговоров по сути не допускалось [Постановление ЦИК СССР... 1934]. Несмотря на то, что апогей Большого террора относится к 1937–1938 годам, репрессии проводились и гораздо раньше. Уже в 1935 году в рамках этой политики активно проводились и «партийные чистки». Применительно к нашему случаю, в начале 1935 года в журнале «Под знаменем марксизма» А.А. Максимов опубликовал не просто критическую, но и поражающие высочайшим градусом ненависти разгромную рецензию на книгу «Галилей и инквизиция». Понятно, что в те годы стилистика критических высказываний была своеобразной и весьма резкой, но даже с учетом традиций того времени текст представляется избыточно эмоциональным и даже истеричным: «...Ничего, абсолютно ничего не усвоил Выгодский из богатой сокровищницы марксизма-ленинизма. Наоборот, он, претендующий быть марксистом, подменил марксизм-ленинизм таким подходом к историче-

ским событиям эпохи Галилея, который ничего общего с марксизмом-ленинизмом не имеет и враждебен последнему» [Максимов 1935].

В защиту М.Я. Выгодского выступил академик С.И. Вавилов, и в том же 1935 году опубликовал в журнале «Сорена» обоснованную положительную рецензию на книгу, однако «процесс» уже был запущен и положительное мнение авторитетного академика уже не влияло на ход дальнейших действий. переломить ситуацию. Нужно отметить, что данный журнал вскоре после ареста Н.И. Бухарина, который был инициатором его создания, несколько лет спустя был закрыт, а напечатанные номера были изъяты из библиотек, включая тот, в котором делалась попытка защитить М.Я. Выгодского, и впоследствии статьи из этого журнала стали использоваться в научном дискурсе с оглядкой и гораздо реже, чем могли бы при других обстоятельствах. Отметим одно совпадение, характеризующую эпоху. Сам академик С.И. Вавилов в последующие годы столкнулся с подобной ситуацией со своим братом, и окажется в похожей ситуации, в которой пришлось оказаться М.Я. Выгодскому: у них обоих арестовали братьев по ложному обвинению, и брат академика, знаменитый учёный академик С.И. Вавилов спустя несколько лет также погибнет в тюрьме, как и Н.Я. Выгодский.

С учетом всех этих обстоятельств, скорее всего, М.Я. Выгодский был исключен из партии по комплексу обстоятельств – буржуазного происхождения, факта ареста и заключения брата, активного участия в общественной деятельности, и, наверное, и из-за работы в стратегически важной сфере «конструирования смыслов». В свете вышеизложенного, как это ни странно прозвучит, последствия для М.Я. Выгодского после исключения из партии могли быть гораздо более трагичными с учетом еще одного факта биографии, который упоминался выше и который мы хотим осветить подробнее.

В автобиографиях и анкетах М.Я. Выгодский скрывал участие в революционной деятельности. В 1918 году молодой М.Я. Выгодский в течение некоторого времени (по семейным воспоминаниям этот период разнится от нескольких недель до целого года) находился в Ростове-на-Дону, где, занимая должность стенографа в деникинском ОСВАГе, на самом деле выполнял задания коммунистов и передавал им полученную информацию о планах белогвардейцев. Это подтверждается упомянутыми выше воспоминаниями подруги детства и юности М.Я. Выгодского О.Г. Шатуновской, видного советского партийного деятеля, революционерки, которая сама стала жертвой репрессий и впоследствии активно занималась десталинизацией Советского Союза. Она отмечает: «...в Ростове жил тогда Марк Выгодский, он работал стенографом в деникинской канцелярии и все передавал нашим» [Шатуновская 2001]. При этом те руководители и коллеги М.Я. Выгодского, кто сотрудничал с ним во время подпольной деятельности, умерли или погибли во время или сразу после Гражданской войны, и никаких документальных подтверждений тому, что он не служил белогвардейцам, а участвовал в революционной деятельности, не сохранилась. Ещё до событий 1935 года М.Я. Выгодского многократно обвиняли в том, что он являлся бывшим белогвардейцем или даже провокатором. И, в частности, при попытке Н.И. Бухарина защитить своего подчинённого по линии Института истории науки и техники (ИИНИТ), где тот работал в середине 1930-х годов, руководитель был вынужден М.Я. Выгодского и от обвинений в контрреволюционной деятельности: «... за ним тащится одна и та же история: он работал в деникинском Осваге как агент большевистской подпольной организации. Каждый раз ему говорят об Осваге, и каждый раз ему приходится доказывать, что он выполнял труднейшее поручение партии [РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 9929. Лл. 12–21]. С учётом судьбы, которую впоследствии пришлось пережить самому Н.И. Бухарину, такое персональное внимание и попытка защитить коллегу и сотрудника было способно нанести ещё больше вреда карьере М.Я. Выгодского и оказать абсолютно разрушительное воздействие на всю его жизнь. Хотя М.Я. Выгодский не был философом, в рамках истории математики он подбирался к конструированию (или реконструкции) смыслов, и выдавливание его из этого поля было вполне в духе тех лет, даже с учетом того, что он был убежденным марксистом. В те годы, как отмечает С.С. Нере-

тина, «...сталинизация философии привела к истреблению даже тех философов-марксистов, которые могли стать опорой новой государственной идеологии [Неретина 2007].

Еще раз повторим, что в тех условиях это падение тем не менее оказалось спасительными по крайней мере для физического выживания его самого и его семьи: с учетом еврейской национальности, непролетарского происхождения, «сомнительных» деталей биографии, «опасных» знакомств и, как мы показали на примере взаимодействия с А.А. Максимовым, проблематичного поля исследования, шансы того, что М.Я. Выгодский вслед за своим братом мог пасть жертвой «Большого террора», были велики.

Дальнейшая его судьба развивалась сложно, хотя внешние обстоятельства могут на первый взгляд показаться вполне благополучными. Как уже упоминалось, М.Я. Выгодский успешно защитил докторскую диссертацию, стал профессором и продолжил преподавать до своей смерти. Также он занимался научно-литературной деятельностью во все последующие годы. Он создал множество справочников и учебников, которые до сих пор переиздаются и пользуются заслуженным вниманием учащихся и специалистов. Нельзя сказать, что он был полностью не востребованным. Однако, если вдуматься, после описанных событий он оказался в некотором роде на грани: ему не удавалось надолго закрепиться ни в одном институте, его постоянно выдавливали из Москвы. Последнее десятилетие своей жизни он провел в Туле, где обрел спокойствие и ощущение безопасности. Однако он неизменно становился объектом критики при выходе своих новых книг, и ему припоминались события и обстоятельства прошлых лет, которые мы уже описали. Эти события использовались оппонентами в качестве аргументов против него во все последующие годы.

Однако то, что прерванный полет позволил ему сохранить жизнь и свободу, и также обеспечить физическое выживание себе и своей семье уже было победой: думается, это был не гарантированный результат и даже не вполне вероятный исход. Но вместе с этим, такая удача стоила ему успеха в основной научной работе. Во-первых, он так и не смог написать главную книгу своей жизни – полномасштабное исследование по истории математики, что было главной целью в науке. Ему приходилось выживать, менять города и высшие учебные заведения. Он долго и напряженно работал над созданием нередко проходной учебной литературы, потому что в некоторые годы фактически жил исключительно литературным трудом, и у него не было физической возможности посвящать много времени исследованиям.

Во-вторых, те значимые научные работы по истории математики, которые он все же смог написать и опубликовать (написанные еще в 1930-е годы), имеют сложную и по-своему несчастливую судьбу. Упомянутая ранее книга «Галилей и инквизиция» является только частью исследования, которое так и не было завершено. Это стало тупиком и точкой, но интересно, что с тех пор книга является актуальной и востребованной, на нее опираются и ее цитируют современные ученые. Очевидно, и тема, и изложение, остаются актуальными до сегодняшнего дня. Еще одна книга, «Арифметика и алгебра в Древнем мире», была подготовлена для печати в 1937 году, но опубликовать ее удалось только в 1941 году, и практически сразу же весь тираж погиб во время Великой Отечественной войны. Второе издание этой книги вышло уже после смерти автора [Выгодский 1967].

Тем не менее несмотря на то, что ученый испил свою чашу до дна и не реализовался настолько, насколько был способен и чего был достоин, он прожил полноценную и яркую жизнь и смог увидеть хотя бы часть результатов своих трудов. Что касается его брата Н.Я. Выгодского, его судьба сложилась еще совершенно трагически.

Николай Яковлевич Выгодский

Николай проявил интерес к музыке и начал демонстрировать музыкальные таланты с самого раннего детства, у него рано проявился абсолютный музыкальный слух. Вначале его обучали игре на фортепиано дома, в семье, а затем он поступил на музыкальные классы

при Бакинском отделении Императорского русского музыкального общества. Получив общее среднее образование в Бакинской второй гимназии, Николай переехал в Тифлис и поступил там в только что образованную Тифлисскую консерваторию, где успешно продолжил и завершил образование по классу фортепиано. После этого он переехал в Москву и получил еще две квалификации, закончив исполнительский факультет по классу органа и научно-музыкальный факультет по истории музыки в Московской консерватории. Он закончил образование в 1927 году [Выгодский. Личное дело... б/г].

В те годы культурная жизнь, в том числе и в музыкальной сфере, была очень активной, многое развивалось, происходили коренные изменения в этой области, и молодые и талантливые люди были замотивированы учиться, работать и заниматься творчеством.

В одном из писем Д.И. Гачев отмечает: «Секретарь нашего факультета, тоже студент и первый органист в консерватории, одновременно и очень хороший пианист (Н.Я. Выгодский. – Г. Г.), – еще в первый месяц пригласил меня к себе, мы уже хорошие приятели; часто собираемся, несколько студентов, у него и разбираем Баха, Бетховена и Вагнера. Часто после какого-нибудь концерта он приглашает нас к себе на чай, яблоки и медовые пряники и музыку. И так – до 3–4 часов утра» [Гачев 1989]. Д.И. Гачев подчеркивает, что во время этих встреч приятели обсуждали научные и организационные вопросы, связанные с искусством, его развитием, и тем, как его направить на пользу и благо людей.

Н.Я. Выгодский вёл очень активную работу на протяжении всей своей жизни. Еще с начала 20-х годов он начал работать в Консерватории как преподаватель, и спустя десятилетие был назначен на должность доцента. Он специализировался на истории музыки, а также на преподавании фортепиано для студентов нефортепианных факультетов. При этом он развивал в то время достаточно эксклюзивное, интересное и сложное направление – орган, поскольку стал одним из самых первых органистов, которые получили в этой области образование в годы, последовавшие за революцией. В то время орган ассоциировался с чем-то устаревшим, древним и сложным. Он не воспринимался как современный музыкальный инструмент, доступный для широких масс, а именно в том направлении и планировалось развивать музыкальную культуру. Более того, орган ассоциировался с религиозными обрядами, с которыми тоже велась активная борьба в те годы. Но Н.Я. Выгодский, будучи поклонником этого музыкального инструмента, направил свои усилия на то, чтобы дать органной музыке новые перспективы в новых условиях, и стремился продемонстрировать, что творческий подход может заставить и такой музыкальный инструмент звучать актуально в современную для него эпоху.

Кроме того, что Н.Я. Выгодский был непревзойдённым органистом, он также создавал фортепианные и органные транскрипции, демонстрируя оригинальные решения в части интерпретации известных музыкальных произведений. Его транскрипции для органа и фортепиано, по свидетельству специалистов, отличаются высоким уровнем мастерства и таланта. К сожалению, полный архив его музыкальных работ не сохранился, и сейчас доступны только отдельные произведения. Наследие мастера в полной мере не каталогизировано до настоящего времени.

Он активно занимался и общественной деятельностью, организовав и став руководителем нескольких кружков музыкальной самодеятельности в различных организациях, таких как Коммунистический университет им. Свердлова и завод «Каучук». Вместе с этим он работал и в качестве редактора в Мусгизе. Такая широта направлений деятельности Н.Я. Выгодского обусловлена тем, что его целью было нести музыку в общество, научить и дать возможность людям развиваться и повышать свой уровень за счёт приобщения к музыкальной культуре. Именно в контексте своей веры в возможность демократизации искусства, искренне веря в возможность донести эти богатства до широких слоёв населения, он и стал активным участником РАПМ, и именно в просветительских целях он опубликовал ряд резких и критических статей в таких журналах как «Пролетарский музыкант».

Кстати, имя Н.Я. Выгодского наиболее часто упоминается в сетевой публицистике последних лет лишь в этой ипостаси – как активиста РАПМ. Более того, современные блогеры и эссеисты перепечатаывают из публикации в публикацию, посвященных критике деятельности этой организации, ссылку на одну из статей Н.Я. Выгодского. Активисты РАПМ действительно вели себя достаточно агрессивно, реформируя музыкальную культуру, и Н.Я. Выгодский в 1931 году издал статью, где жестко раскритиковал концерт, в программе которого звучала музыкальная композиция Рахманинова, находившегося в то время уже в жесткой оппозиции к советской идеологии. Конечно, не все статьи Н.Я. Выгодского выдержали проверку временем. Но эта публикация не должна восприниматься как лицо автора, и, к сожалению, до настоящего времени весь корпус публикаций Н.Я. Выгодского не исследован и не оценён, и, возможно, после проведения этой работы искусствоведов ожидают совершенно другие выводы.

В любом случае мы убеждены, что высшая цель его музыковедической деятельности была благой, он был нацелен на просвещение, на повышение культурного уровня населения страны и на популяризацию музыки в новом советском обществе. Высокий профессиональный уровень Н. Выгодского, его личностный профиль, человеческие качества и таланты могут быть подтверждены тем, что он дружил и сотрудничал на протяжении всей жизни с видными деятелями музыкальной культуры такими, как А.А. Давиденко, М.В. Коваль, Б.С. Шехтер и другими. Кстати, многие из этих авторитетных деятелей впоследствии будут апеллировать к советскому руководству с просьбой пересмотреть обвинительный приговор Н.Я. Выгодскому, а также будут требовать его посмертной реабилитации уже после смерти Сталина. В те годы Н.Я. Выгодский близко общался и с А.В. Луначарским, который любил игру музыканта. Также Н.Я. Выгодский вел многолетнюю переписку со всемирно известным писателем, лауреатом Нобелевской премии Р. Ролланом, который был и ученым-музыковедом [Биографический очерк... 1963].

Истинную причину ареста и последующей репрессии Н.Я. Выгодского установить достоверно невозможно. Как и у его брата, карьера в тот момент следовала по восходящей траектории, организация РАПМ, активистом которой он был, в те годы занималась перестройкой музыкальной культуры вполне в русле официальной идеологии, и в последующие годы многие коллеги Н.Я. Выгодского заняли высокие позиции в советской номенклатуре. Известный специалист по советской музыкальной культуре Е.С. Власова предположила, что шлейф к фигуре Н.Я. Выгодскому мог дотянуться от бывшего директора московской консерватории Б.С. Пшебышевского, который двумя годами ранее был осуждён, а впоследствии расстрелян. Ещё одной вероятной причиной мог послужить донос со стороны некоего завистника, недоброжелателя, врага или конкурента, поскольку в те годы такая практика была распространена. Однако точную причину ареста установить невозможно, поскольку в материалах архивного следственного дела нет никаких намёков по этому поводу.

Формально арест было осуществлён при абсурдных, практически кафкианских обстоятельствах. Н.Я. Выгодский ожидал на Бородинском мосту в течение получаса коллегу, который не получил информацию о встрече и на нее не пришёл, а впоследствии не смог подтвердить договоренность этой истории, поскольку записка с назначением времени и места оказалась утерянной. Милиционер, дежуривший на мосту, заподозрил в чем-то музыканта в связи с его длительным ожиданием, задержал его и передал его в органы госбезопасности. После этого в квартире Н.Я. Выгодского был произведён обыск, в ходе которого были обнаружены фотография Л.Д. Троцкого, книга Г.Е. Зиновьева, который, в свою очередь, был арестован в конце 1934 года, переписка с сыном бывшего директора Тифлисской консерватории, эмигрировавшим на Запад композитором, пианистом и музыковедом А.Н. Черепниным, а также ряд личных записок и других документов, которые были использованы обвинением, чтобы доказать контрреволюционную деятельность Н.Я. Выгодского.

Обвиняемый пытался оправдываться. В отношении записки и фотокарточки Л.Д. Троцкого он сообщил, что «... предъявленный мне документ контрреволюционного содержания, написанный моей рукой на листе нотной бумаги, принадлежит мне. Этот документ является записью контрреволюционных высказываний, по моему мнению полусумасшедшей старухи, примерно 60–70 лет навещавшей моих соседей по квартире, фамилии которых я не помню... фотокарточка Троцкого принадлежит мне, она мною получена в подарок 10–11 лет назад от одного из студентов Свердловского Университета. Фамилии лица подарившего мне фотокарточку, я не помню...» [Архивное следственное дело... б/г].

Также логично и обоснованно Н.Я. Выгодский пытался аргументировать и в отношении других обвинений в свой адрес. Необходимо обратить внимание, что он поступил смело, скрыв имена тех знакомых, коллег и друзей, в отношении которых могли возникнуть подозрения и которые, в свою очередь, могли стать объектом дальнейших разбирательств. Вообще, при знакомстве с архивным следственным делом в отношении Н.Я. Выгодского, сложно избавиться от ощущения абсурда и ассоциации с произведениями Ф. Кафки: читая протоколы допросов, не устаешь удивляться нелепым вопросам и логичным ответам, которые, однако, не приводят к консенсусу и не обеспечивают какое-либо понимание. И определённая истинность и реальность всего происходящего лишь в том, что обвиняемый нашёл в себе силы не оговаривать себя и своих знакомых, выдержав в результате допросов, которые продолжались месяцами, свою позицию.

При всем этом история не лишена иронии, и стоит сделать небольшой комментарий по поводу дружеских отношений между А.Н. Черепниным и Н.Я. Выгодским. Выгодские дружили с Черепнинными семьями еще со времени рождения Н.Я. Выгодского, в то время обе семьи жили в Петербурге. Впоследствии Н.Я. Выгодский учился с А.Н. Черепниным вместе в Консерватории в Тифлисе, когда ей руководил его отец Н.Н. Черепнин (к этому периоду уже легендарная личность-ученик Н.А. Римского-Корсакова, он был известным композитором и дирижером дягилевских «Русских сезонов», а позднее, оказавшись в эмиграции, он станет директором Русской консерватории в Париже). После того, как судьба разделила семьи, дружба между Выгодскими и Черепнинными продолжилась. В начале 1920-х А.Н. Черепнин посвятил одну из своих работ, «Океанскую сюиту: цикл заклинаний К. Бальмонта» оперной певице Анне Мейчик, тете Н.Я. Выгодского [Russian Composers... 1940].

Но вероятно, не только факт переписки А.Н. Черепнина с Н.Я. Выгодским по теории музыкальной культуры, но и содержание могло использоваться обвинением в свою пользу. Как отмечает Л.Д. Корабельникова в биографии А.Н. Черепнина, «Некоторые письма – на 12–14 страницах. Иные – содержащие «разбор» полученных сочинений, – снабжены нотными примерами... Он живо интересуется и сочинениями недавнего соученика, и новой музыкой в целом, просит прислать из Парижа некоторые издания: “новые заграничные выпуски, к сожалению, не проникают сюда, и таким образом музыкальный мир Москвы, да и остальной России лишен возможности знакомиться с новейшими произведениями музыкального искусства и, следовательно, живо следить за ходом развития музыки. Это печально. Русских композиторов (наиболее видных) нет в России, и, таким образом, мы несколько отстаем (2 февраля 1923)”» [Корабельникова 1999].

В любом случае в апреле 1935 года Н.Я. Выгодский был осужден Особым Совещанием при НКВД СССР на срок 5 лет в исправительный трудовой лагерь за контрреволюционную деятельность, после чего был этапирован в Белбалтлаг, на Соловки, где провел почти все оставшееся время своей жизни.

В поисках деталей последующей жизни Н.Я. Выгодского в местах заключения, автор статьи обратился в профильные подразделения государственных структур как федерального центра, так и соответствующих регионов, где могли сохраниться архивные документы, свидетельствующие о заключении Н.Я. Выгодского. Однако до настоящего момента полученные ответы были отрицательными. При этом последние 5 лет жизни музыканта не полно-

стью утеряны. Вспоминают о нём и коллеги, оставшиеся на воле, близкие и друзья, пытавшиеся помочь ему, пока он был жив, и впоследствии стремившиеся добиться его посмертной реабилитации. Не забыли о нём и узники, отбывавшие с ним срок, и далее оставившие воспоминания о страшных годах. Д.Д. Шостакович, отдавая дань памяти талантливым людям, погибших в результате репрессий, пишет и о Н.Я. Выгодском: «... Мы слишком быстро забыли о Жиляеве и других. Погиб Сергей Попов, очень талантливый человек... Или Николай Выгодский, талантливый органист. Та же самая история. Забыт Болеслав Пшибышевский, ректор Московской консерватории, сын известного писателя. Забыт и Дима Гачев. Он был хорошим музыковедом» [Свидетельство... 2023].

Ю.И. Чирков в своих лагерных воспоминаниях называет Н.Я. Выгодского пианистом-виртуозом, ярким участником лагерной концертной бригады. Также он пишет о наступлении 1937 года, перед которым «... состоялся прекрасный новогодний концерт – последний в истории соловецкого театра. Все исполнители, предугадывая это, играли так, как перед смертью, отдавая все свои силы и вдохновение залу. Как пел Привалов, как исполнил Брамса и Рахманинова (2-й концерт) Выгодский! (Кстати, Рахманинов, как белоэмигрант, был запрещен для исполнения, и его подали как Чайковского)» [Чирков 2023]. И снова чувствуется некая ирония, теперь в том, что Н.Я. Выгодский запомнился автору воспоминаний именно как талантливый исполнитель Рахманинова, о творчестве которого он так критично отзывался за несколько лет до этого.

Л.С. Танюк свидетельствует о мифологизации образа Н.Я. Выгодского, «...который будучи посажен в одиночку, якобы оторвал от нар доску, нарисовал на ней клавиатуру и часами играл на этом беззвучном инструменте. Прибежавший комендант, решив, что заключенный сошел с ума, отобрал у музыканта доску и перевел пианиста в Головленковскую крепость» [Танюк б/г]. Речь идет о карцере, одном из средневековых «каменных мешков», расположенных в крепостных стенах и башнях Соловецкого монастыря, заключение куда во времена лагеря и тюрьмы (СЛОН и СТОН) считалось одним из самых тяжелых наказаний, практически смертельным приговором. Впрочем, автор при этом отмечает, что данная история может быть легендой.

Однако здесь уместно описать страшную и корреспондирующую предыдущей истории семейную легенду, которая была рассказана автору старшими родственниками много лет назад. Согласно этому преданию, Н.Я. Выгодский, находясь в заключении, пользовался любыми возможностями, чтобы заниматься музыкой, и нарушал существовавшие запреты. За это охранники его неоднократно избивали, а во время одной из таких экзекуций то ли сломали, то ли отрубили пальцы на руках, чтобы он не имел даже технической возможности заниматься музыкой. От этой травмы музыкант уже не смог оправиться, и она послужила катализатором, ускорившей его заболевание и безвременную гибель.

Вообще для семьи Выгодских заключение и смерть Николая была страшной, неопишуемой трагедией. После ареста брат М.Я. Выгодский стремился облегчить судьбу и делал все возможное, чтобы узника освободили досрочно, однако смог добиться лишь его посмертной реабилитации в 1950-е годы, заручившись поддержкой известных деятелей искусства, которые вместе с М.Я. Выгодским писали запросы в различные инстанции на протяжении многих лет. Внука математика, сына дочери Нины, родившегося в 1953 году, единогласно назвали Николаем в память двоюродного деда.

Последние месяцы жизни Н.Я. Выгодского, как можно догадываться, были трагичными. В заявлении с просьбой посмертно реабилитировать брата, направленном в военную прокуратуру в январе 1955 года, М.Я. Выгодский пишет, что «...весной 1939 года обострившийся костный туберкулез стал угрожать жизни брата...». Узнав об этом, М.Я. Выгодский и заслуженный деятель искусств Г.Г. Нейгауз обратились в НКВД с ходатайством о досрочном освобождении заключенного. Было принято решение о переводе Н.Я. Выгодского в больницу. Однако к этому моменту он уже умер, «...во Владимирской тюрьме, не выдержав дли-

тельного пути из Соловецкой тюрьмы, откуда заключенные эвакуировались в другие места заключения» [ГАРФ.Ф.Р-8131. Оп. 31. Д. 70530. Л. 18]. Н.Я. Выгодский умер 26 ноября 1939 года, не дожив до сорокалетия. Дата тоже символичная, она вошла в историю как день, когда произошел Майнильский инцидент, который знаменовал начавшуюся спустя несколько дней Советско-финляндскую войну.

Отдельно необходимо упомянуть о судьбе жены Н.Я. Выгодского, М.В. Уманской. После приговора мужу она была исключена из ВКП(б) и отправлена в ссылку, где провела почти 20 лет: в 1937–1948 годах в Киргизской республике, а позднее вплоть до 1955 года – в Казахстане. В заявлении в прокуратуру, датированным 23 мая 1956 года (вскоре после XX съезда КПСС) с требованием официально реабилитировать и ее, она пишет, что условия жизни в эти годы были практически невыносимыми, и при этом она была наказана без вины. Она не может скрыть горьких эмоций: «...20 лет ссылки – это очень тяжелое наказание. Это целая жизнь» [ГАРФ. Ф.Р-8131. Оп. 31. Д. 70530. Л. 2]. Нужно отметить, что после смерти М.В. Уманской спустя еще 20 лет, в 1984 году, по ее завещанию она была похоронена на Востряковском кладбище в Москве вместе с прахом Н.Я. Выгодского.

Заключение

Профессиональная карьера и общественная деятельность М.Я. и Н.Я. Выгодских развивались в похожем направлении, хотя они занимались научной деятельностью на разных полюсах – в математике и музыке. Оба брата были талантливыми, общественно активными и неординарными людьми, и их развитие было успешным до середины 1930-х годов. Во многом они были продуктом своего времени. Уже их родители были свободными в своих планах, взглядах и в отношении путей развития, и они стремились дать Марку и Николаю образование и возможность стать тем, кем они хотят. Но по сути их личности сформировались и оформились, как метко отмечает Г.Л. Тульчинский в очень насыщенный и яркий период, когда «... эсхатология общего дела в Гражданскую войну сменилась растерянностью победителей в годы НЭПа, отвергнутого после отмененных выборов 1925-го. Был взят курс на индустриализацию. Молодое советское общество приоткрылось к великому прорыву в будущее, к воплощению мечты, оправдывающей тяготы, лишения, кровь не одного поколения. Это сознание, непосредственно предшествующее сталинизму, энтузиазм и эйфория которого были сталинизмом использованы...» в полной мере [Тульчинский 2022].

Во многом именно на этой почве М.Я. и Н.Я. Выгодские оформились как интеллектуалы, идеалисты, своего рода трудоголики и подвижники, и последующий за революцией десяток с лишним лет был продолжением этого тренда – временем возможностей для развития, самореализации и труда во имя трансформации мира ради своих идеалов. Страшный для братьев 1935 год, оказавший критическое влияние на их судьбу – неслучайная дата. Описанные выше частные эпизоды – часть общих процессов. Мы помним, что это время после убийства Кирова, ужесточение законодательства и трансформация по этим направлениям всех правил общественной жизни.

Когда мы хотим понять, что такое сталинизм и как он возник, у нас нередко возникает желание увидеть руководящую роль одного главного персонажа, который своей властью принимал решения и определял политику, но мы склонны предположить, что такие решения отражали требования и запросы, исходящие от различных социальных кругов, представлявших разные уровни. И только затем все это воплощалось в законодательстве, резолюциях и постановлениях.

Именно поэтому М.Я. Выгодский, физически переживший страшные годы, так до конца жизни не смог получить статусную и стабильную должность, достойную его таланта и активной жизненной позиции. Такая непростая и нелинейная судьба выпала ученому потому, что он был слишком яркой и неформатной персоналией для своего времени. Утопия, направ-

ленная на создание нового человека, в конструировании которой он пытался участвовать, в течение его жизни выродилась в репрессивную систему, основанную на полном контроле и жесткой регламентации всех категорий жизни, целью которой было единомыслие. В статье «Культурный проект “советский человек”» Т.С. Злотникова актуализирует концепт «советский человек» как социокультурный и философско-антропологический феномен, как совокупность социально-нравственных признаков, визуальных и вербальных матриц [Злотникова 2021]. А С.А. Никольский отмечает, что для укоренения советской системы был нужен человек новой социальной природы, который был бы органично вписан в систему и воспроизводил бы ее: «Для укоренения советскому – и это ещё одна исходная идея – нужен был человек определённой социальной природы, подходящая историческая почва, глубинная традиция, которая сделала его органичным для усвоения и воспроизводства советского. И, наконец, важнейшим условием вращивания советского в бытие была готовность части общества переформатировать своё сознание, кровно (в переносном и в прямом смысле) связать с ним своё настоящее и будущее. Фанатичная вера идее и вождям, дополненная буйной фантазией и помноженная на веками сформированную покорность, а если требуется, то и самоотверженность – такова природа идеального советского человека – эталона эпохи» [Никольский 2023].

Для этого требовалось изменить сознание общества и крепко связать его перспективы с советскими идеями. И в этих рамках сложилась, если можно так выразить, некая метафукольдиданская конструкция, суперсистема контроля такого масштаба, что избежать прокрустова ложа, которое отсеивает слишком активных, слишком универсальных, слишком «широких» индивидов, было просто невозможно. Нужно было мимикрировать или изменяться со всех сторон как в рамках требований номенклатуры, так и дисциплинарной власти всех масштабов. Но не каждый может справиться с этим: кто-то не желает, а кто-то неспособен притвориться, даже если очень старается. И эти требования, к которым оказались неспособны М.Я. и Н.Я. Выгодские, заставили заплатить обоим высокую цену.

Архивное следственное дело... б/г. *Архивное следственное дело № Р-16109 в отношении Выгодского Николая Яковлевича.* – Центральный архив ФСБ.

Биографический очерк... *Биографический очерк о Н.Я. Выгодском и список его произведений (1963).* – Фонд: 366. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ).

Выгодский М.Я. 1923. *Курс парламентской стенографии (по системе Габельсберге-ра).* – М.: Гос. изд-во; П.: Мосполиграф. – 113 с.

Выгодский М.Я. 1967. *Арифметика и алгебра в Древнем мире.* – Москва: Наука. – 370 с.

Выгодский М.Я. 1926. Платон как математик. – *Вестник Коммунистической академии.* – № 16. – С. 192–215.

Выгодский Н.Я. 1935. – *Методическая хрестоматия по курсу общего фортепиано.* – М.: ОГИЗ. – 191 с.

Выгодский Н.Я. б/г. *Личное дело.* – Архив МГК имени П.И. Чайковского.

Выгодский Н.Я. 2023. *Музыкальная энциклопедия.* – Доступно: <https://clck.ru/34ZkM5> . – Проверено: 12.11.2023.

Выгодский, Николай Яковлевич. 2023. – *Большая биографическая энциклопедия.* – Доступно: <https://clck.ru/34ZkLR>. – Проверено: 12.11.2023.

ГАРФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.70530. Л.2.

ГАРФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.70530. Л.18.

Гачев Г.Д. 1989. Воспамятование об отцах : Докум. Повествование. – *Дружба народов.* – № 7. – С. 161–223.

Гуров О.Н. 2023а. К юбилею Марка Яковлевича Выгодского: ключевые факты биографии и список основных публикаций. – *Искусственные общества*. – Т. 18. – Выпуск 3.

Гуров О.Н. 2023b. *Интервью*. – Доступно: <http://www.solovky.ru/ru/events/uchastie-v-konferencii-eto-opredelyonnyu-orientir-kotoryu-dlya-menya-ochen-vazhen-intervyu-s?ysclid=los11p5ykv125025501>. – Проверено: 12.11.2023.

Гуров О.Н. 2023с. Марк Яковлевич Выгодский: штрихи к портрету ученого и человека своего времени. – *Научноисследовательские исследования*. – № 1. – С. 123–145.

Демидов С.С. 2015. Марк Яковлевич Выгодский – математик, историк математики и педагог (к 50-летию со дня смерти) / С.С. Демидов, С.С. Петрова, Т.А. Токарева. – *Чебышевский сборник*. – Т. 16. – № 4(56). – С. 319–346.

Жмудь Л.Я. 2013. Изучение античной науки в ИИНиТе на фоне 1930-х гг. – *Вопросы истории естествознания и техники*. – Т. 34. – № 3. – С. 3–26.

Злотникова Т.С. 2021. Культурный проект «советский человек». – *Вестник СПбГИК*. – № 1 (46). – С. 36–45.

Кирсанов В.С. 1994. Возвратиться к истокам? (Заметки об Институте истории науки и техники АН СССР, 1932–1938 гг.). – *Вопросы истории естествознания и техники*. – № 1. – С. 3–19.

Кознова И.Е. 2019. Русская литературная классика в идентификационных представлениях советской культуры. – *Известия ВУЗов. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. – № 3 (51). – С. 81–93.

Корабельникова Л.Д. 1999. *Александр Черепнин: долгое странствие*. – М.: Языки русской культуры. – 288 с.

Максимов А.А. (рец.) Выгодский М.Я. 1935. Галилей и инквизиция М.-Л. 1934. – *Под знаменем марксизма*. – № 1. – С. 189–195.

Налбандян Ю.С. 2013. Преподавание истории математики в Варшавском-Ростовском-Южном федеральном университете. – *Математика в современном мире: Материалы Международной конференции, посвященной 150-летию Д.А. Граве, Вологда, 07–10 октября 2013 года / Вологодский государственный педагогический университет*. – Вологда. – С. 95.

Неретина С.С. 2007. Идея культуры: от трансцендентного к имманентному. (о философии в СССР после Октября?). – *Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Филология. Филология*. – № 1. – С. 93–122.

Никольский С.А. 2023. Советское. Проблема целостного рассмотрения. – *Политическая концептология*. – № 2. – С. 29–52.

Постановление ЦИК СССР... 1934. *Постановление ЦИК СССР, СНК СССР «Об Особом совещании при НКВД СССР»* от 5 ноября 1934 г. № 22

РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 9929. Лл. 12–21.

Свидетельство. 2023. *Воспоминания Дмитрия Шостаковича, записанные и отредактированные Соломоном Волковым*. – Доступно: <http://testimony-rus.narod.ru/Testimony.pdf>. – Проверено: 12.11.2023.

Танюк Л.С. б/г. «Березиль» под снегами: [Очерк]. Фонд: 2. Опись: 8. Дело: 149. Архивное хранение: б/м. НИПЦ Мемориал.

Тульчинский Г.Л. 2022. *Трансформация советского культурного кода человека: от героики к «озимому сознанию» (А. Гайдар и В. Маканин)*. – *Ярославский педагогический вестник*. – № 3 (126). – С. 160–167.

Чирков Ю.И. 2023. *А было все так...* – Доступно: <https://libcat.ru/knigi/dokumentalnye-knigi/biografii-i-memuary/348502-yurij-chirkov-a-bylo-vse-tak.html>. – Проверено: 12.11.2023.

Шатуновская О.Г. 2001. *Об ушедшем веке. Рассказывает Ольга Шатуновская*. – La Jolla (Calif.): DAA Books. – 470 с.

Karp A. 2017. Mark Vygodsky: several episodes from the life of a scholar. – *BSHM Bulletin: Journal of the British Society for the History of Mathematics*. – No. 33. – P. 1–17. 10.1080/17498430.2017.1286558).

Russian Composers... 1940. *Russian Composers and Musicians: a Biographical Dictionary*. Compiled by Alexandria Vodarsky-Shiraeff. – New York. The H.W. Wilson Company. – Доступно: https://archive.org/stream/in.ernet.dli.2015.151659/2015.151659.Russian-Composers-And-Musicians_djvu.txt. – Проверено: 12.11.2023.